

МЕХАНИЗМ ВОСПРОИЗВОДСТВА «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ»: ПУТЬ К РАЗВИТИЮ ИЛИ РЕГРЕССУ?

Александрова Ольга Аркадьевна

E-mail: a762@rambler.ru

Александрова Ольга Аркадьевна доктор экономических наук, зам.директора по научной работе, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН; профессор департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ г. Москва a762@rambler.ru

МЕХАНИЗМ ВОСПРОИЗВОДСТВА «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ»: ПУТЬ К РАЗВИТИЮ ИЛИ РЕГРЕССУ? На фоне снижения доходов населения и спада промышленного производства, а также пессимистических прогнозов правительственных структур в отношении темпов экономического роста даже в случае реализации относительно благоприятных сценариев развития, в общественное сознание стала внедряться идея о низких темпах роста как «новой нормальности». Заметим, что попытка переноса этой идеи на российскую почву происходит спустя 8 лет после ее выдвижения, а в ту пору в России еще рассуждали об «энергетической сверхдержаве», а после начала мирового кризиса говорили о российской экономике как о «тихой гавани». Теперь же, в условиях рецессии и секвестра социальных расходов, предлагается квалифицировать ситуацию в российской экономике как «новую нормальность». Однако, по ряду причин применение данной парадигмы к современной России не является адекватным. Во-первых, даже беглое сравнение отдельных показательных параметров говорит о том, что уровень социально-экономического развития в развитых странах Запада (откуда и пришла теория «новой нормальности») радикально отличается от российского. Так, по ожидаемой продолжительности жизни Россия (70,8 лет) находится на 153 месте в мире – в окружении Гондураса, Казахстана, Молдавии и Непала; по ожидаемой продолжительности здоровой жизни (61 год) - на 86 месте в мире. Красноречивым индикатором является и экспортно-импортная структура: на глобальном рынке машиностроительной продукции Россия - чистый импортер (в основном - из стран ЕС), притом, что именно машиностроение - лидер по использованию технологических инноваций и их трансферту в другие отрасли. При этом заметное отставание по социальным и экономическим показателям - не случайность, а следствие проводимой уже четверть века политики. В подобной ситуации принятие парадигмы о «новой нормальности» на вооружение, использование ее в качестве инструмента для «определения ситуации» и формирования повестки дня, обрекает страну на деградацию и зависимость - вместо развития и самостоятельности. Во-вторых, ситуация в России и в развитых странах радикально различается тем, что в последних широко применяется и в некоторых аспектах даже исчерпан арсенал средств для стимулирования роста, в то время как Россия к применению аналогичных инструментов поддержки спроса, наукоемких отраслей и т.д. даже не приступала. Но, судя по ряду признаков, пока приступать и не собирается. Так, внедрение идеи о «новой нормальности» (с акцентом на «нормальность») происходит синхронно с импринтингом в сознание российского общества идеи о социальных расходах как обузе для экономики и постулата «Денег нет. . . ». И уже само население, представители различных, не искушенных в политике, профессиональных групп невольно становятся активными ретрансляторами этих, как будет показано, ложных посылов. Сам механизм воспроизводства непродуктивной институциональной матрицы через навязывание массовому сознанию неадекватной картины мира и повестки дня пунктирно можно обозначить так. Долгосрочные экономические изменения есть результат накопления бесчисленных краткосрочных решений

(«определений ситуации»), отражающих субъективное представление множества индивидов об окружающем мире. Одно из свойств «информационного общества» - зависимость его членов от экспертных заключений практически по любому вопросу. Заинтересованные в статус-кво элитные группы влияют на общество таким образом, что его члены вырабатывают в своем сознании ментальные конструкции и идеологии, оправдывающие не только структуру общества, но и недостатки его функционирования. Такой важнейший элемент господства как «контроль за доступом к информации» и «право на истолкование событий и выдвижение целей развития» обеспечивается с помощью транслируемых СМИ кодов, которые общество использует для определения реальности и выработки сознательных решений. Подобная виртуальная власть оказывается вполне реальной: по мере ее концентрации отдельные индивидуумы или малочисленные группы оказываются способными навязать свою волю обществу вне зависимости от консенсуса. В силу специфики воздействия на человеческое сознание и подсознание коммуникационных технологий, впечатления от медиа становятся опытом потребителей медиа-продуктов. Предельный случай – т.н. «общество спектакля», с присущей ему фальсификацией общественной жизни: становясь мировоззрением общества, «спектакль» превращается в самостоятельную псевдореальность, а затем - и в реальность. В отличие от заинтересованных в сохранении статус-кво манипуляторов, задача общественных наук - содействовать «переопределению ситуации» и формированию повестки дня в интересах большинства населения. Поэтому необходимо обратить внимание на следующее: 1. Используемый как аксиома тезис о негативном влиянии социальных расходов на экономический рост неоднократно опровергнут как на практике (авторитетными международными исследованиями, различными respectable рейтингами), так и в теории [3]. 2. Есть две причины, в принципе не позволяющие согласиться с постулатом о нехватке средств. Во-первых, специфика сложившегося государственно-политического механизма не позволяет даже экспертам быть уверенными в полноте и достоверности информации об имеющихся у государства ресурсах и степени добросовестности распоряжения ими. Появляющаяся же время от времени информация говорит о, мягко говоря, неэффективном использовании средств и ресурсов. Во-вторых, сегодня в России не используются те инструменты, которые прямо либо опосредованно способствуют наполнению казны, а также препятствуют нерациональному использованию бюджетных средств и оттоку капитала из страны: - сохраняется плоская шкала НДФЛ и т.д.; - не используются инструменты против выведения доходов в оффшоры (например, резкий рост налоговых ставок при нахождении в оффшорах более определенной доли акций); - в десятки раз менее эффективно, нежели в средне- и высокоразвитых странах, используется природно-ресурсный потенциал; более того, в то время как в мире усиливается «ресурсный национализм» [1], в России идет приватизация стратегических добывающих компаний; - не используются инструменты контроля за трансграничным перетоком капитала; - сохраняется практика внедрения в систему исполнения бюджетных назначений посреднических структур, отвлекающих на себя существенную часть средств - так, до 40%. Даже этот неполный список говорит об отсутствии оснований для признания неизбежными тех мер экономии на населении и на поддержке реального сектора экономики, которые реализуются под предлогом нехватки средств. Ловушка же применения парадигмы «новой нормальности» к нынешней российской ситуации состоит в том, что, оказавшись на очередной исторической развилке, российское общество, убаюкиваемое рассказами о «нормальности», не включит в повестку дня вопрос о пересмотре социально-экономической политики и продолжит двигаться по накатанной, но бесперспективной колее. Список литературы: 1. Кондратьев В.Б. Ресурсный национализм и структура экономики. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=160351> (дата обращения 15.11.2016) 2. Механик А. Пирамида Семашко. URL: <http://expert.ru/expert/2011/30/piramida-semashko/> (дата

обращения 11.07.2016) 3. Taylor-Gooby P. Social change, social welfare and social science. N.Y., L., 1995.